

Международная конференция

**«Беларусизация в контексте современных глобальных трансформаций:
действенные структуры в эпоху перемен»**

Минск, 9 декабря 2016 года

Тезисы к докладу

«Кризис национальных государств в глобализированном мире?»

Андрей Егоров (Беларусь), методолог, политолог, магистр политических наук, директор Центра европейской трансформации

Послевоенная конструкция мира была компромиссом между национальными государствами, которые были основными игроками мировой политической сцены. С конца 1960-х годов сами национальные государства входят в полосу глобальных трансформаций. Традиционная конструкция национальных государств, которая связывала в сложное единство территорию, нацию и государство, начинает разрушаться.

Во-первых, суверенитет национального государства отчуждается в пользу наднациональных глобальных процессов: экономических, информационных, экологических, миграционных, торговых и т.п. Власть, ранее концентрировавшаяся в руках национального государства, переходит на глобальный уровень, где сегодня нет субъектов, способных взять ее под свой контроль. Проблемы на уровне страны порождаются глобальным миром, и ни национальные правительства, ни локальные сообщества не могут их разрешить исключительно на своей территории.

Во-вторых, территория как вотчина суверенного государства отчуждается в пользу локальных сообществ. Результаты референдума о выходе Британии из ЕС подчеркнута были поставлены под вопрос британскими регионами — Шотландией и Лондоном, потребовавшим себе отдельное место в переговорах о будущем статусе отношений ЕС и Великобритании.

В-третьих, сам носитель национального суверенитета — нация, народ — начинает распадаться. Послевоенный гуманизм начинает превозносить человека в его телесной форме, который становится завершённой и совершенной формой существования, центром всего мироустройства. Это подрывает символическое единство нации и отчуждает часть ее суверенитета в пользу единичного гражданина, обладающего всей совокупностью прав. Человек, в конечном итоге, начинает самоопределяться глобально

и по праву (хотя и не фактически) становится глобальным актором. Национальная рамка самоопределения становится лишь одним из возможных выборов для человека, и часто не самым привлекательным. Сегодня, рождаясь в определенной стране, человек формирует свои установки, ориентируясь не столько на то, что видит в своей стране, сколько на стандарты жизни, задаваемые глобализированной культурой. При наличии доступа в интернет и социальные сети ориентиры для белорусского подростка задаются не только тем, что он видит в своей стране, но и формами жизни его сверстников в ЕС и США. Для человека глобального мира все дороги открыты, и дальше все определяется его личными способностями и собственным выбором.

Национальное единство разрушается и под действием уравнивания культурных идентичностей. Мультикультурализм, порожденный критикой превосходства европейской культуры, ниспровергает национальную идентичность с пьедестала. Национальная идентичность становится одной из предложенных к выбору культурных идентичностей. Культурные, национальные, региональные, профессиональные, религиозные меньшинства равнополагаются нациям и требуют собственной доли автономии и суверенитета. Это порождает разнообразные парадоксы национальной интеграции, когда новые культурные группы не желают соглашаться с установленным национальным консенсусом и, опираясь на требования автономии, подрывают его единство. В радикальных формах это может выражаться в требовании установления собственных правил жизни для своего сообщества, несмотря на их противоречие сложившимся формам национального порядка. Так, мусульмане в традиционно христианских странах Европы могут требовать ограничений свободы слова и критики ислама, т.к. это может оскорблять их религиозные чувства.

Ситуация мультикультурализма и торжества нового гуманизма требует новых форм конструирования ненасильственной (не навязываемой сверху, невластной) социальной связи в рамках отдельной страны. Здесь на первый план выходят диалоговые (коммуникативные) формы связи в формировании нового общественного договора. Однако этот вроде бы простой и естественный ответ на вопрос о правилах организации совместной жизни — диалог — наталкивается на парадокс невозможности диалога с теми группами, которые либо не хотят вступать в диалог, либо не имеют такой возможности (например, не имеют достаточных компетенций, лишены способностей к этому из-за инвалидности и т.д.). Кроме того, даже если установить новые правила общежития путем диалога, отдельное сообщество попадает в ситуацию, когда сам по себе консенсус уже предполагает навязывание этому сообществу иной нормы жизни. То есть все равно сообщество оказывается вынужденным менять свои нормы на консенсусные нормы, что нарушает его мультикультуральное право быть самим собой. Здесь возникает неразрешимый парадокс, справиться с которым современная философия диалога не может и предлагает довольно утопичные и мало осуществимые в национальном масштабе проекты «общества диссенсуса» и «постоянно переустанавливаемой в диалоге общественной легитимности».

Человек, сообщество, регион и глобальный мир активно наступают на национальное государство, все в большей степени лишая его инструментов власти. Однако пространство политики как пространство столкновения интересов различных групп сохраняет национальную локализацию и именно здесь происходит фактическое конечное разрешение противоречий. Такая ситуация проблематизирует существование национальных демократий, которые основаны на выборе представителей нации в демократические органы власти, для того чтобы править страной. При отсутствии фактической власти правление национальных государств оказывается в ситуации английских монархов, которые «правят, но не управляют».

Существует два основных типа реакций национальных государств на актуальные вызовы. Одни государства предпринимают попытку открыться новым глобальным тенденциям, тогда как другие стараются закрыться. И та, и другая стратегия предполагает установление контроля и использование глобальных трендов в свою

пользу. Нельзя считать, что стратегия закрывания — это попытка отгородиться от глобальных вызовов, скорее, это способ замедлить на своей территории течение одних процессов за счет контроля других. Новые авторитаризмы — это полуоткрытые гибридные системы, умело использующие новую ситуацию информационного (медиатизированного) общества и диссоциации социальных общностей. Автономизируясь и разрушая оболочку социальной группы, человек оказывается в одиночестве, оставаясь уязвимым перед идеологическими аппаратами контроля государства. В социальном действии он лишен точек опоры: все нарративы разрушены или дискредитированы государственной машиной альтернативной реальности, все смыслы относительны, у него нет лидеров — он лидер лишь сам себе, вокруг него — такие же одиночки без социальной основы. Стихийная социальная мобилизация возможна (Майдан, Тахрир, Таксим, *Occupy Wall Street* и т.д.), но ее трансформации в направленное движение с собственными целями и лидерами уже не происходит. Новые «закрывающиеся общества», пользуясь отсутствием инстанции критики (все относительно, не к чему выстроить апелляцию), легко конструируют временные популярные смыслы для мобилизации масс. Авторитарный лидер (Лукашенко, Путин, Орбан, Эрдоган, Трамп, Качиньски) конструируется медиареальностью как маяк, на который слетается неорганизованный рой атомизированных и автономных людей-лидеров.

Стратегия открывания национального государства («опускания подъемных мостов», «открытия границ») ориентирована на взятие глобальных трендов под контроль и извлечения выгод из новой ситуации. Это заставляет, во-первых, искать формы локализации и самоопределения национального государства в глобальном разделении труда. Сильно упрощая можно сказать, что Израиль избирает путь донора софтверных технологических инноваций, Китай становится глобальным производственным цехом, США — местом концентрации капитала, ЕС — местом инноваций в машиностроении и энергетике. Во-вторых, открытие предполагает поиск форм совместного удержания фокуса управления глобальными процессами. Европейский Союз был (и все еще может быть) удачной попыткой игры на открытие и опережение глобальных трендов. Правда, с начала 2000-х годов ЕС оказался в ловушке собственных противоречий между «закрытием» и «открытием» и не смог продолжить экспансию в глобальном мире. Призыв европейских интеллектуалов в 2003 году к большому единству Европы, по большому счету, остался не услышанным, что в конечном итоге и привело к полосе внутренних кризисов ЕС последнего десятилетия.